

описать это событие; рассказ позволяет с полной отчетливостью представить себе, во всех подробностях, как происходило дело, — где находились князья, когда началась оборона города, какие меры были приняты ими, чтобы обеспечить ее эффективность, как были распределены силы и проч. Перед нами не столько рассказ, сколько документальный отчет о виденном: „... Изяслав не ходища в город, стаستا товары перед Золотыми вороты у Язины, а Изяслав Давыдович ста mezi Золотыми вороты и mezi Жидовьскими, противу Бориславу двору, а Ростислав с сыном своим Романом ста перед Жидовьскими вороты, и многое множество с ними, а Городеньский Борис у Лядьских ворот; кияне же всими своими силами, и на конех и пеши, и тако стаща; а промежи князи семо стаща от Вячеслава, от Изяслава поправу оли до Изяслава и до Ростислава, а от Ростислава оли и до Олговы могилы, а полеву Вячслава и Изяслава оли до Лядьских ворот, и тако стаща около всего города...“ (стр. 296).

Показательны в этой связи и некоторые мелкие детали событий в рассказах летописца: время от времени они попадали в поле его зрения и отмечались им наряду с остальными фактами, попутно, просто потому, что были ему известны или обратили на себя внимание. Так, например, мы узнаем, что Игорь Ольгович, спасаясь от преследователей, попал в болото, „и угрязе под ним конь, и не може ему яти, бе бо ногами болен“ (стр. 232); — что Давыдовичи, когда приехал к ним посол Изяслава и потребовал четкого ответа, „ничтоже могоша отвещати; толико съзрешася и долго молчавше“ (стр. 244—245); — что Андрей Юрьевич, когда пал его любимый конь, „жалуя комоньства его, повеле и погresti над Стырем“ (стр. 272—273); — Юрий Долгорукий подошел к Киеву именно в тот момент, когда князь киевский Изяслав Мстиславич и дядя его Вячеслав Владимирович спокойно сели „обедати“ (стр. 280); — Андрей Юрьевич во время битвы на Перепетовом поле „възмя копье и еха наперед“, но в этот момент „бодоша конь под ним в ноздри, конь же нача соватися под ним, и шелом спаде с него, и щит на нем сторгоша“ (стр. 303); — Святослав Ольгович „бе тяжек телом“ и, когда вместе со своими союзниками потерпел поражение на Перепетовом поле, — очень „трудился бе бежа“ (стр. 304); — Ростислав Глебович, когда полочане попросили его вернуться в город, поехал, но поехал на всякий случай „изволочився в броне под порты“ (стр. 340); — Юрий Долгорукий, когда к нему с позором отправили назад его посла, — даже с лица „попуснел“ (стр. 390); — Святослав Всеволодич, возвращаясь из Карачева, — „ехаша лете на санех, бе бо нечто извергьлося ему на нозе“ (стр. 457) и проч. Все эти детали, как они цорую ни мелки, — цөннейший материал для историка; они позволяют заглянуть в самую глүбь феодального быта XII в., дают возможность в ряде случаев наглядно представить себе ту эпоху. Сомневаться в их документальности у нас нет никаких оснований.

Одна из наиболее характерных особенностей летописного рассказа — речи действующих лиц повествования. Речи, очень редко, но встречаются